

КОНКУРС СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Номинация «О времени и о себе. Монолог поэта» ЯРО СРП

Геннадий Калашников (первое место)

г. Москва, Союз российских писателей

* * *

Дно колодца мерцает, дробится – то ли
зеркало, то ли глаз кита, на спине которого лежит Земля.
Дом стоит на пригорке, за перелеском пустое поле
да бурун облаков от проплывшего небесного корабля.

Спорят с ветром деревья, вскипают и даже,
выворачивая листву, переиначивают свое естество.
Весь набор: свет и тень, необходимые для пейзажа,
как и прочие - крупные и мелкие - части его.

Циферблат небосвода всегда педантично точен:
по-имперски безлик, облаков принимая парад.
Здесь подробностей нет, лишь сплошное зиянье и прочерк,
ибо точен и сух небосвода слепой циферблат.

Это бездны следы, на лазури ее отпечатки,
это вечности цепкий, недвижно-внимательный взгляд.
Сохраняется все на фасетчатой влажной сетчатке:
никуда не уйдешь, никогда не вернешься назад.

Неподвижно плывут облака, циферблат никогда не проснется,
дом стоит на пригорке, и в этом какой-то расчет.
А река под горой и вода в подземелье колодца
все течет, Гераклит, все течет и течет, и течет.

MILLENNIUM

Что молчишь? Или октябрь к тебе не строг,
кутающий леса в лохмотья тумана и прорехи ветра?
Он трубит в свой медный, холодный, тяжелый рог
с точностью камертона, отчетливостью метронома, выверенностью метра.

Это его медленный, в нитях паутины, день встает
с горизонтом в глубоких зарубках и заплывших метлах,
это его вода глядит сквозь тонкий, прозрачный лед,
щурясь то ли от избытка, то ли от недостатка света.

Это его волчи в прозелень прямые глаза
смотрят с опушки и мелькают в сырой чаще.
Под этим взглядом уснула, взмахнув крылом слюдяным, стрекоза,
захлебнувшись воздухом и осиновым дымом горчащим.

Я живу в октябре, и он ко мне не суров,
он повернут ко мне разноцветною призмой света,
он слепит лучом, согревает теплом костров,
и пока не туже и не уже золотые его тенета.

Он коснется птичьим пером опущенных век,
у него новостей и известий разноцветный шуршащий ворох ...
На тяжелой оси повернулся день, повернулся век,
и в стеклянных часах пересыпался сухой осторожный порох.

* * *

Пока еще не лег на снег последний вечер,
пока еще ледок прихватывает след,
остановись со мной, мой самый первый встречный,
поговорим, - пока и воздух есть, и свет.

Пускай в морозный день восходят наши души,
в извечном их родстве свой обретая путь.
Так говорить легко, легко молчать и слушать,
слова находят плоть и раскрывают суть.

За время, что займет случайная беседа,
неуловимо день изменит свой узор,
здесь места больше нет, исчезли мы бесследно,
но в воздухе пустом все длится разговор.

* * *

У тебя ничего нет,
или плохо будет тебе иначе,
ты бескорыстен как табурет
или как солнечный свет незрячий.
Ты скользишь под ним, как по реке плот,
без руля и без мысли задней,
ибо есть еще жизни свет, тот
будет солнечного побеспоощадней.
Он сочится через кривой порез,
мирозданья косую щель,
но при нем ты можешь говорить без
посредников, говорить вообще.
О том же табурете, или о
противоречиях бытия,
о том, усядется ли миллион
ангелов на кончике остря,
так что сперва погляди в окно,
как там расположился свет,
и еще: запомни одно -
у тебя ничего нет.

* * *

Я не знаю: не сплю или все же уснул,
если сплю, то тогда мне снится
чистая, как поле под Тулой, страница,
если сплю, то к столу притулился стул и больше не шевелится.

Это комната. У столов и стульев нрав и повадки угрюмы,
не то – буфет, с его перезвоном рюмок,
или комод, где ты сберегла
ворох пестрого барахла.

Если сплю, то ни хмур, ни весел,
по широкой реке в лодке плыву без весел.
По реке в лодке – впрочем, я и не против, -
ни хмур, ни весел. Скорее - по, чем – против

течения. Дремлю, сидя у трапа на чемодане,
я покинул комнату, и, едва переведя дух,
вещи начали говорить о том, о чем никогда не
решались при мне говорить вслух.

А на реке крикает селезень, зудит слепень, молчит слизень,
так, словно талой воды набрал полон рот,
и здесь даже самая точная мысль о жизни
отражается и становится мыслью наоборот.

Мысль о жизни вручную перемалывает время в деньги,
по сторонам не смотрит, сама собой до краев полна,
и о том, что бессонница - это *modus vivendi*,
ей расскажет флора, растущая в урочищах и по обочинам сна:

валериана, шалфей, зверобой, пустырник,
окопник, сабельник, мак-пустоцвет не в счет,
иван-чай, цикорий, укроп и любой кустарник
распаривается, заваривается, настаивается и идет в ход,

шелестит в изголовье, шуршит в изножье,
ночной птице и всяческой фауне дает приют.
А река все течет, передергивая озябшей кожей,
меньшие братья пищевые цепочки куют.

Ладно, пусть волки хвастаются, хвастаются, хвастаются клыками,
Пусть ворон точит, точит, точит свой клюв о камень,
А ты, ночная птица, сипи, сипи, сипи:
Гена, не спи не спи не спи не спи...

Борис Скотневский (второе место)
г. Тольятти, Союз российских писателей

ПАМЯТИ ПОЭТА

* * *

Погиб поэт!

Опять?! Опять...

И на устах его печать,
И мгла его невеста.
С такой отъявленной тоской, —
Между Уралом и Москвой
Ей не хватило места.

Взлетел он в рай?

А может, в ад,

Сошел,

шатаясь,

наугад

С петлей или наганом.
Он словом к музыке привык, —
Что русский сделал ты, язык,
С еврейским мальчуганом.
Что сделала родная ширь
Во весь Урал, во всю Сибирь
Продутая до свиста, —
Но разве ж виновата даль,
Когда душе мила печаль,
А счастье ненавистно.

И родилась такая боль,

Что не помог ни алкоголь,

Ни женщина, ни слава...

Течет-течет река Исеть;

А что такое жизнь и смерть

Мы представляем слабо.

И здесь у края бытия

Мерцает лампочка твоя

В каких-то нежных ваттах.

А ты летишь сухим листом, —

И виноватых нету в том,

Нет в мире виноватых.

Виновных в нашей боли нет,

И в этом может быть ответ

На все, — мы дышим кровью.

Хоть прекословь, хоть сквернословь —

В боль превращается любовь,

Чтоб снова стать любовью.

Погиб поэт, что на Руси —

Не новость. Господи спаси!

Печаль не терпит крика...

Зато над каждою душой

Он нынче дождик небольшой,

И тайна.

И музыка.

* * *

памяти Бориса Рыжего

Лампочка и мотыльки над ней, —
Ничего не вспомнил он родней.
Над подъездом лампа в сорок ватт.
В памяти никто не виноват.
Млечный путь... А в лампе сорок ватт.
Бог простит — никто не виноват
Во вселенском счастье и тоске,
Если дело в каждом мотыльке...

* * *

Над Уральскими горами разгорается рассвет.
Боря Рыжий пишет маме, что его счастливей нет.

Что его несчастней нету на далеких берегах...
Повернись душой к рассвету, чувствуешь любовь и страх?

Чувствуешь, как жизнь проходит? Чуешь – времечко сквозит?
Как волшебная мелодия срывается в зенит?

Как звенят протяжно льдинки то ли в счастье, толь в тоске?
И душа на паутинке, и судьба на волоске.

Мокрый снег прошел дворами. Лист пронесся наугад...
За горами Жигулями загорается закат.

* * *

Наедине с тобою, брат...

М. Ю. Лермонтов

Все о'кей. Успеху — выше крыши.
Лишь душа опять на самом дне.
Поклонитесь Лермонтову Мише
И побудьте с ним
наедине.

Номинант на «Золотую Крысу
И «звезда», зажженная на час,
Постучитесь к Рыжему Борису,
Может, что-то встрепенется в нас.

Анна Арканина (третье место)
г. Москва, Союз российских писателей

* * *

Я тут стою пока не замела
зима моё сбегавшее детство –
по тропке птичьей вниз и до угла,
до переулка с надписью «Советский».

Я тут стою уже который час,
звенят и возвращаются тревоги;
забытая мелодия для нас,
застиранное небо у дороги.

Одной рукой, почти что без рывка,
я отпускаю тех, кто были нами,
как ласково спускают с поводка
щенка в безлюдном месте за домами.

Куда я шла, и почему стою
на воздухе обветренном, наждачном?
На жердочке качаюсь, на краю,
считая звёзд рассыпанную сдачу.

НИ СЛОВА ОБ ОСЕНИ

Можно остановиться,
смотреть на свет –
тонкий, прозрачнее маминой лёгкой шали,
слушать, как пузырится в саду ранет,
время застиранное ветшает.
Будто бы резкость наводишь – вот
прошое в оптике проступает:
сын-первоклассник из школы вчера идёт
и по пути из курточки вырастает.

Пауза виснет в тёмном углу двора.
Форточка хлопает, воздух глотая пресный.
Каплет ритмично (как не устанет?) кран.
Завтра, вчера, сегодня,
сейчас и присно...

* * *

Истончается осени профиль,
чуть острее и жилистей век,
будем пить свежесваренный кофе
и грустить по опавшей листве.

Будем жить без оглядки на случай,
легковесное время губя,

и смотреть, как червлёная туча
все заметней уходит в себя.

Как прижмётся дитё и заплачет,
в материнский уткнувшись подол.
Просто маленький плачущий мальчик.
Просто детские слёзы с водой.

Просто случай прижаться и слушать,
растревоженный гомон ворон.
Никогда будто не было лучше
изумленных редяющих крон.

ПРИЁМ-ПРИЁМ

Выходишь из дома разут-разиня:
«Привет, дед Пихто, здравствуй, бабушка Зина».
Говоришь, а они смотрят в тебя насквозь,
и дед с сапога грязь сбивает о трость.

Чувствуешь, как время неумолимо –
красавицей, говорят, была бабка Зина.
А теперь смотрит глазами белёсыми в пуп земли
и шепчет всё время: «Прибери меня, прибери».

И стоишь вроде рядом, а вроде бы далеко,
и не знаешь, по ком же звенит тишина, по ком,
и зачем выходил из дома-бом-бом –
дурак дураком.

И слышится тебе – кто ты, кто ты?
...Вот вера твоя, вот слюдяные соты
и слова, тягучие на просвет.
А больше ничего-то, поймёшь,
у тебя и нет.

Сорвёшь подорожник, прибитый с утра дождём,
и крикнешь, кому – не знаешь: «Прием-приём!»

* * *

...А если что и случится с нами
в копилке жизни – в коробочке с чудесами,
то это будет всего лишь время –
сыпучее, легковесное, древнее.
Смотрит на время собака с велюровыми ушами:
оно течёт, ничего ему не мешает.
Будь что будет, – думает кот, говорит Бог.
Нет времени, понимает собака.
Один песок.

Сергей Попов

г. Воронеж, Союз российских писателей

* * *

Подозревал, что бог следит с балкона,
когда к подъезду шпарил от угла,
где на шестом ещё во время оно
слепая радость с присвистом жила.

Икона стилия там квартировала,
неотразимый ангел во плоти –
краса и гордость целого квартала
с необычайной жизнью впереди.

О, как она смеялась и курила!
И целовала в щёчку дурака.
И полыхали ногти из акрила
огнём беды у самого виска.

Вот это счастье сдуру обломилось!
Лихая чёлка, кольца, каблуки...
На божий гнев похожа божья милость.
Но рассуждать об этом не с руки.

В отливах парикмахерского шика,
в разводах забугорного шмотья
смотрелась восхитительно и дико
та, что любила сладко и шутя.

И было что-то этакое в пепле,
что стряхивала цепким коготком –
и мужики корёжились и слепли,
не вспоминая больше ни о ком.

Да он и сам – уже почти что в коме –
предполагал, что это навсегда.
И ничего нет правильнее кроме
всегдашнего явления сюда.

И рассуждать бессмысленно про это,
но разве с непривычки разберёшь,
как быстро пепелится сигарета
и наглухо накатывает дрожь.

И на груди тускнеют побрякушки.
И по кварталу журится листва.
И протрезветь охота как из пушки,
хоть - ясен пень – живём лишь одна.

И вся любовь – обратная дорога,
где деревья, красуясь и дрожа,

запоминают лишь улыбку бога
с последнего сквозного этажа.

* * *

Рядом с Герценом квасить неловко,
и для этого дела была
у ворот чумовая столовка –
прямо первая дверь от угла.

Там в углу исключительный столик
был от всяческих взглядов укрыт –
смейся после четвёртой до колик,
кайся после десятой навзрыд.

И к тому ж кошельку пустомели
небольшой наносили урон
с беспощадной подливкой тефтели
и руины сырых макарон.

И кромешная сушь винегрета,
и компота дремучая муть
вопреки аппетитам запрета
помогали судьбу обмануть.

Нарушение законов и правил
перцем радости жгло пищевод,
чтобы Хронос похмельем приправил
заводную эпоху невзгод.

Обещаний невзрачные веши
спрятал в кухонный дым сигарет,
выдал выпускнику на орехи
дармовой общепитовский бред.

Чтоб кололись скорлупки да ядра –
сокрушительной жизни тщета,
где от прелести прежнего яда
не осталось уже ни черта.

И какого неведомо чёрта
там, где лоха щадила беда,
нынче клуб под названием «Форте»
и лабает Козлов иногда.

И считается славной манера
сытым джазом травить на убой,
чтоб ореховый тон интерьерера
рифмовался с облезлой судьбой

там, где Герцен подзуживал сдуру
под убойную музыку сфер

эмигрировать в литературу
из гранёного СССР.

* * *

Прими на грудь, возьми на бордаж
забытую посудину безумья...
Дежурный – до одиннадцати наш,
и наготове корка да глазунья.

И говорит не «штормы», а «шторма»
кассетник на предсмертных оборотах.
Когда зима, легко сойти с ума,
в заснеженных не мешкая воротах.

Покуда круговая беготня
ветров и хлопьев не осточертела,
слепая ночь куда светлее дня
на календарных волнах беспредела.

И вся печаль – собраться и успеть,
покуда корабли не затонули...
Пурге - гудеть, гонцу – спешить и петь,
мелодию угадывая в гуле.

Светлана Михеева

г. Иркутск, Союз российских писателей

СУМРАЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ПО ПУТИ В БРАТСК

Бьёт
рельсы
тишина,
послушна,
тревожна в запредельной мере,
хоть бездна дышит добродушно,
укрыв холма зелёный череп
и полустаночки хромые,
и в ней направо от вокзала
дрожат леса глухонемые,
одетые во что попало.

Мне близок первобытный ужас:
в листве, несущейся навстречу,
беременная ночь не тужась
рождает бледного предтечу;
кусты, навьюченные красным,
ныряя в паузы оврага,
бегут посланьем безучастным
в железных венах озерлага.

Уже божественная кода
покинула стеклянный ящик:
печать немислимой свободы
спустилась с веток говорящих.
Для образов её барачных,
принявших ангельские схимы
чем тише, тем узлы прозрачней,
тем безымянней анонимы.

В конце пугающе послушны,
застряв, как волосы в расчёске,
лежат движения воздушны
луны в березовой извёстке.
Увеличительно двоится,
струится между временами
молчание, в котором лица
пылают звуками и снами,

переводя к жестокой норме
вагон, вокзал, дыханье спящих,
живых, курящих на платформе,
как будто бы ненастоящих,
не призванных ещё к ответу
во искупленье и во благо --
предстать божественному свету
как тишина, а не бумага.

Номинация «Я владею чудным даром» музей Н.А. Некрасова, Карабиха

Елена Елагина (первое место)

г. Санкт-Петербург, Союз писателей Санкт-Петербурга

* * *

И мыло смылится, и испарится спирт,
И медленной реки изменится течение,
И выветрится соль, и выдохнется мирт,
И всех небесных числ изменятся значенья.

Но в вечность, как в себя, нетленная душа
Глядится, не боясь ни порчи, ни забвенья,
Поёт без слов, рисует без карандаша
И, как молитвы, всласть твердит стихотворенья.

* * *

«Проживи незаметно!», – велел Эпикур,
Невидимкой скользи среди зримых фигур.

Не оставь за собой никакого следа –
Пусть воспрянет трава, и сомкнётся вода.

Пусть ни слова, ни имени нет за спиной,
Возвратись безымянной душою домой.

Там напомним, как имя твое, и к Кому
Ты тянулся сквозь время и вязкую тьму.

НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ

Падают листья, как при рапидной съёмке,
Медленно, неестественно и прекрасно.
Что там ещё осталось у Бога в котомке,
Не уместившись в зазор между «буря» и «ясно»?

Воздух прозрачен, и видно, как время полёвкой
Шмыгает в травах, надкусом у корня губя их.
Щёку утри незаметно рукою ловкой,
Вечной вдовой при греках, варягах, мамах.

Выбрана доля собой, но слёзы лить лень и,
Коли поёшь, то всяк тебе будет милый,
Знать, уцелеешь и в этом землетрясенье,
Не понимая, откуда берутся силы,

Как при любой, самой дурной напасти,
И при любой утрате, безмерно веской,
Как сердолик на сильном твоём запястье,
Схваченный полупрозрачной нервущейся леской.

* * *

«Бог проживает в скворечнике...»

С. Васильев

Бог деревенский в скворешне живёт,
Бог городской, знамо дело, в подвале
Вместе с бомжами. А то! Не видали?
Брезгует ими почище народ.

Бог деревенский с природой в ладу,
Бог городской про неё и не помнит
В тихой мечте о скромнейшей из комнат,
Рай – это там, не у всех на виду.

Бог деревенский, дай чувств - зарыдать!
Бог городской, дай ума и сноровки!
Оба не слышат, глухи и неловки,
Оба устали, торопятся спать.

* * *

Тридцать три года лежать на печи,

Тридцать три года считать кирпичи.
Скисли блины, удались калачи.
Скучно, ей-богу, молчи ли, кричи.

Тесто встаёт, пробирается кот
К свежей сметане... Вот год проползёт,
Следом другой... Так, глядишь, десять лет
Жизнь отсчитает. Не туз, а валет

В сальной колоде мигает тебе -
Что там осталось в негожей судьбе?
Что завалилось? Но - враг у ворот!
И богатырь, поднатужась, встаёт.

Чудо! – вопит, разбегаясь, народ.
В Муроме чудо! И крестится влёт.

* * *

Благословенна почта электронная,
Благословенна морось законная,
И влаги соприродная душа,
Благословенно всё, что жить пытается,
Что за последний камушек цепляется
Над пропастью, скользя и не дыша.

Благословенно вечное усилие,
Благословенно пишущих обилие
И вовремя пришедшее письмо,
Благословенно нежное участие,
По сути, заменяющее счастье,
А, может быть, и счастье само.

* * *

Господь не дал любви, но дал певучий дар,
Не дал богатство, но позволил быть счастливой.
Другой разложен был передо мной товар –
Не яблоко в руке, но цвет весенний сливы,
Не дерево, но поля с шершавым звуком трав,
Не сад, но дальний лес языческой породы.
Господь не дал Себя, но дал смиренный нрав
С бунтарским языком и знаньем несвободы.

* * *

И ничего не поняла,
И никого не отмолила,
И как ни морщила чела,
И как душою ни парила,
И как ни билась о стекло
Непонимания и муки,
Всё сквозь ладони утекло:

Хоть глаз-алмаз, да руки-крюки.

* * *

Быть листком среди листьев других,
В серединке тихонько шептать
То молитву, то собственный стих,
И на высшие силы роптать.

Безотрывно глядеть в облака,
Не страшась листопада ничуть
Эта жизнь и горька и легка,
Что до смерти – не в ней, может, суть.

Кристина Андрианова (второе место)
г. Уфа, Союз писателей России

ПОРЫВ

Раскрылась по-другому, зазвучала,
Раскинулась потоком ясных рек,
И больше не найдет себе причала,
И больше не сомкнет весенних век;
Она летит по небу добротою,
Высокою незримою мечтой...
Поэзия – отечество святое.
В ней сам Христос, вселенский и простой.

ПОТОК

Рассветный поток нескончаемых строк,
Которые были когда-то ручьем
(Но раньше – весенней рекой полноводной),
Он снова уносит – и бездна, и рок,
И срок это, видно, такой – ни при чем
Ни люди, ни город, ни сцена, ни мода;
Объятями слов поглотила река,
И вновь глубока
Смесь модерна и ретро;
И вновь не боюсь ни порогов, ни ветра
Меж армии
Розовых скал.

* * *

Пусть говорят:

от счастья стихи не пишут.

На шестьдесят процентов.

Другие сорок –

Пушкин, что очарован осенней тишью,

Да Дербенев, который
 хитами дорог, –
И по чуть-чуть,
 по всякому настроенью,
Знаете, на
Какого не ткни поэта...
Грусть написать любя,
 как писал Есенин,
Нежно воспеть печаль –
Ну не счастье ль это?

* * *

Откуда-то сверху
Приходит молитва
Мятежной строкою
И мудрым покоем.
Не я лабиринты
Построила Крита,
Но я – проводник
Между светом и тьмою.

* * *

На стихи смотрю – понимаю вдруг,
Что в любом из них есть один исток:
В суете сует, средь житейских выюг,
В каждом слове – свет,
В каждой строчке – Бог...

* * *

Мы говорим на русском языке,
Как солнце отражается в реке
И сердце разрывается от боли,
Когда за правду принимают ложь,
Когда вдали от родины живешь,
Когда идут на бал не те герои.

Мы говорим на русском о любви,
Терпении – и, что ни говори, –
О лебединой вере, что с авосем
Веками рядом ходит по судьбе
И от рожденья греет колыбель
Большой страны, не изменив, не бросив.

В нас русскость проступает даже в том,
Что говорим на языке ином
С акцентом, узнаваемым повсюду.
А там, где и словами не сказать,
Как хорошо на русском помолчать...
Молчать на русском, воспевая чудо.

Реки и солнца воспевая чудо.

Алексей Бутусов (третье место)
Ярославская область, деревня Карабиха

* * *

Огород – травы Акрополь,
Бочка, полная воды.
Всюду – зонтики укропа,
Стебли белой лебеды.

Заросло всё. Я забросил
К августу улус родной.
Без меня ложатся росы,
Мотылёк кружит ночной.

Дуги ржавые погнуты,
А над ними - Млечный Путь.
Вот в такие вот минуты
Постигаешь жизни суть.

* * *

Заросший карьер - котлован мироздания,
Глубокая рыжая яма-нора.
На склонах лохматых корней очертания,
А выше на солнце желтеет кора

Сосновых стволов корабельных, высоких.
Торжественно. Сумрачно. Призрачен день.
На дне котлована синее осока,
Какая-то ряска, травина, цветень.

Сырой, сладковатый, свалывшийся воздух -
Ветрам не пролезть ни с какой стороны.
Со дна котлована, наверное, звёзды
Особенно ярко ночами видны.

* * *

У нас в саду, усталом и пустом,
Давно уж ни листа не пронесётся.
Землёю пахнет, гнилью и костром.
И целый день в нём обитает солнце.

Так много солнца! Прежде никогда
В начале октября, пожалуй, не было.
А в комнате снуют туда-сюда
Пылинки меж изгибов старой мебели.

* * *

Утро. Хлопья. Белый призрак.
Мягко. Странно. Просто снег.
Наваяв следов капризных,
Сел в троллейбус человек.

За проезд. Кондуктор... Где же?
Никого. Водитель? Нет.
Он один. А мир заснежен.
С головой закутан в плед.

Он один на целом свете...
И его засыпал снег.
Засыпая на рассвете,
Сел в троллейбус человек.

* * *

Возвращаюсь с работы пешком.
Чуть вприпрыг. С рюкзаком вдоль дорог.
Снег не чищен. В снегу вязнут ноги.
И дела - кувырок-кувырком!
Громко лает, не знающий меры
Пёс соседский. Сияет Венера.

И поэтому всё нипочём:
Пусть сантехник Иваныч на взводе,
Пусть сто пятый автобус не ходит -
Нет печали в посёлке ни в чём.
Чуть трепещут слои атмосферы.
Синева - и сияет Венера.

Пусть прогноз обещает плюс пять,
Пусть сосульками капают крыши.
Верю, что в воскресенье - на лыжах!
Верю, пусть потечёт время вспять.
И достаточно этой лишь веры.
Хорошо всё. Сияет Венера.

* * *

Я поселюсь на маяке
В далёком Тихом океане.
Туда уеду налегке –
Лишь пара книжек в чемодане.

Туда, где камни и вода
И миллионы километров
Гладь океана. Пустота.
Лишь звёзды да порывы ветра.

А в бурю волны бьют маяк,
Клокочет чёрный хаос всюду.
Зажгу свечу. Развею мрак.
К окну присевши, просто буду.

Без мыслей, точно истукан.
Не спя. Не чувствуя. Не зная.
И хорошо, что океан
Без дна, без связи и без края.

Александр Кокшаров

г. Смоленск, Союз российских писателей

* * *

Как ящер в зеленую чашу нырну,
И там растворюсь под пятой мухомора...
Я буду, как древний могучий Ромул
Глядеть на прибой изумрудного бора,

А после, с верхушки веселой сосны,
Я сизую сойкой вспорхну выше тучи...
И в солнечной гуще медвяной весны
Я Рим свой увижу, как Ромул могучий.

С тугими сосцами, волчицей седой
Лежит он, свернувшись в калач Колизея...
И вспомню я, как под печальной звездой
Нас с братом волчица спасет и согреет.

И время вдруг вновь начинает отлив,
И в прошлое дно мне слегка обнажает...
Но даже «слегка», это – в бездну обрыв,
А бездна?.. Об этом и время не знает.

Уж лучше глядеть на зеленый прибой,
В янтарной смоле застывая, как муха...
Забыв, как под вечной печальной звездой
Нас с братом вскормила седая старуха.

Виктор Есипов

г. Москва, Союз российских писателей

* * *

Петарды новогодние
взрывались не вчера ль?
С морозом снег сегодня и
кончается февраль.

Как быстро время движется,
промедлишь – не догнать!
Как слышится, так пишется
в заветную тетрадь.

Стоят окоченелые,
но помнят о весне
берёзы чёрно-белые
на снежной белизне.

* * *

Сонмы белых мух закружат скоро,
ну а там, глядишь, и Новый год,
жёлудем зеленым светофора
освящён по зебре переход.

Без листвы рогатые, как лоси,
исподлобья смотрят тополя,
отраженья в окнах ловит осень,
листьями опавшими пыля.

Жизни с горки катится телега,
утекает время между строк,
широко распахнутое небо
в сузившийся втянуто зрачок...

* * *

Когда сосед мой на досуге
врубают твист или ча-ча-ча,
брожу с собакой по округе,
под нос созвучья бормочу.
Дерзаю местные картины
на память воссоздать в словах:
ряды лиловые люпина
в полузаброшенных полях,
гигантской ели контур строгий,
над ухом пенье комарья,
как сныть белеет вдоль дороги
сквозь сумрак гаснущего дня...

* * *

Не слышно пенья в липах поредельх,
стучит осенний дождик по зонту,
а лебеди – два черных и два белых –
легко скользят по сонному пруду.

Последнюю листву роняет осень,
невдалеке Садовая шумит...

А выгиб шеи дивен и опасен,
как акробатки цирковой кульбит.

Живет другим осенняя столица,
в машинном ветре крутятся листья,
кому нужна возвышенная птица,
бесцельной воплощенье красоты?

Знакомый сквер сырой листвой завален,
тоску наводит ряд пустых скамей.
Мне говорят: «Твой стих не социален!» –
а я смотрю, смотрю на лебедей...

1976

ЦВЕТЕНЬЕ СИРЕНИ

Б. Сарнову

Довольно нам биться над темной строкой,
закроем с тесемками папку,
возьмем да в стеклянную банку с водой
нарежем сирени охапку!
Сиреневый дух,
как почетный эскорт,
по дому пройдет за букетом, -
хоть грудью вдыхай,
хоть пици натюрморт,
хоть смейся, застигнутый летом.
А, может, не нужно ни вздохов, ни слов,
а зорко прицелься глазами,
найти среди тьмы симметричных цветков
счастливый, с пятью лепестками?
Нам эта забава известна давно,
как, впрочем, известна досада.
А счастье?.. Распахнуто настезь окно,
И свежестью тянет из сада.

* * *

Г. Калашиникову

Живешь как можешь, пишешь как поется –
без выкрутас, сработанных хитро,
но вдруг замрешь в потемках у колодца,
забыв, что в воду шлепнулось ведро.
Ночную даль окинешь жадным взглядом,
и убоишься собственных словес –
так величавы ели над оврагом
так трепетно мерцание небес...

БАЛЛАДА О ЧАСОВОМ МАСТЕРЕ

Л.А. Братыгину

1

Средь каждодневной суеты
с судьбою мелки счёты,
но есть каминные часы
затейливой работы.
Камин? Ещё чего! Тот быт
изжит, и взятки гладки.
Но рыцарь бронзовый стоит,
и сокол на перчатке.
Изящен белый циферблат,
цифирь и стрелки тонки,
да вот беда – часы молчат,
недвижны шестеренки.
Давно прервался стрелок бег,
пружины нет в заводе...

2

Но вот приходит человек,
он знает толк в работе.
Пинцет и лупу достает,
побольше света просит,
он все устройство разберет,
прочистит, смажет оси.
И мерный ход, и нежный бой
часам вернет он снова.
А кто он, мастер часовой?
Нет в мастерской такого.

3

Двор за окном от снега бел,
снег на асфальте тает.
У самого по горло дел, –
а вот часы спасает.
Он бескорыстен, не в пример
торговцам на Арбате.
Отец семейства, инженер –
зачем он время тратит?
Зачем рукам его легки
все ухищренья эти?..

4

Зачем любовь, зачем стихи
и снег в окне, и ветер?

Номинация «Современная поэзия России» журнал «Невечерний свет», СПб

Сергей Адамский (первое место)

г. Санкт-Петербург, СПб Союз литераторов

утро после рождества

...сегодня тихо поутру
и даже тише
не видно проржавевших труб
и серой крыши
не видно синего рено
и красной мазды
всё как-то не предрешено
предельно праздно
все элементы так близки
и так бесспорны
как будто с шахматной доски
убрали черный
и кажется не выдаст нас
спасет сегодня
не согрешивший с миром наст
глазурь господня...

* * *

Пустой стакан, стоящий на столе
В оставленной хозяином квартире,
Напрасен, как дуэльный пистолет
В набухшем вседозволенностью мире;
Как солнечные лужи на полу;
Как в угол закатившиеся крохи;
Как гуглящий "Америка" Колумб -
Дитя не героической эпохи;
Как робкие попытки воробьев
Укрыться от китайского подсчёта...
Пустой стакан заполнен до краев
Бесплодными надеждами на что-то;
(К примеру, обреченностью жнивья
Завидовать уютному овину...)

Пустой стакан - наполовину я,
И вечность - на другую половину...

* * *

Пётр Иванович Бобчинский
Топчется где-то в глуши.
Пётр Иванович топчется,
Он никуда не спешит.

Ходит, скрипит половицами.
Может вздремнуть до шести.
Разве провинность в провинции
Медленно жизнь провести?
Грех ли слоняться по местности,
В травах скрываясь на треть?
Только обидно в безвестности
Жить, а потом – умереть.

Вот аватарка и топчется
Меж мировых новостей:
«Пётр Иванович Бобчинский» –
Дух социальных сетей.

* * *

Где-то бродит большая поэзия,
От охотников прячась давно.
В этом деле почти бесполезен я,
Но охочусь, как все, все равно.

Расставляю ловушки по пятницам
В перекошенных жизнью дворах -
Там большая поэзия прячется,
Словно йети в суровых горах.

Все её искушают приманками,
Деловито свивают силки.
Говорят, что пытались и танками -
(Правда, те времена далеки).

Все охотники блещут прицелами
И заранее делят трофей,
Но большая поэзия - целая,
Укрывается в тихих кафе.

Ранним утром блуждает по площади,
Что-то шепчет, сидит у воды.
И дрожат полусонные лошади,
Попадая в большие следы...

* * *

Маршрутка едет по обочине;
Колдобины пинают пятки нам,
Но мы мечтаем вместе с прочими
Покинуть Новое Девяткино.

Мечты у нас всегда заветные.
Места у нас всегда родимые.
И все шаги у нас – ответные;
И меры все – необходимые.

Не изменить, увы, повадки нам;
Вскрываем суть – а суть просрочена.
Сплошное Новое Девяткино
И бесконечная обочина...

* * *

Маршрутки нет. Есть слякоть и скамейка.
Из неба выпадает снегодождь.
Катается в кармане карамелька,
Которую никак не разгрызешь.
Прносятся блестящие машины;
Реклама обещает новый год.
И кажется, вопросы разрешимы.
И кажется, что всё произойдёт.
И кажется, что слякотные змейки –
Предвестники божественной реки,
И кажется, что пятна на скамейке –
Таинственных планет материки.
Маршрутки нет. Пустует остановка.
Ты прячешь микрокосм под капюшон;
Стоишь; переминаешься неловко.
... И ни один вопрос не разрешен...

Евгений Петропавловский (второе место)
г. Краснодар, Союз российских писателей

НАД ВОЛНАМИ ВРЕМЕНИ

Жалкая тень зрителя заброшенного маяка,
коматозный старик, угасающий в больничной палате,
струится по монитору подобием тонкого ручейка,
пульсируя, теплится в дыхательном аппарате.
Врач на обходе подле него хмуро вздыхает:
«Отключить бы деда, намучился всласть». И
спешит удалиться, поскольку прекрасно знает:
милосердие наказуемо, сиречь не в его власти.

А когда персонал расходится по домам
и ночная тишь заполняет больницу,
старик покидает присоединённое к трубкам и проводам
неподвижное тело. Превратившись в птицу,
он расправляет крылья, делает взмах, сквозь стекло
пролетает, не ощутив преграды,
и взмывает в небо, сыплющее светло
ему навстречу безмолвные звездопады.

Поглаживая пространство крыльями, в зыбкий полночный час
он достигает заброшенного маяка
и правит путь по лучу, который давно погас,

сквозь мгновения, растянувшиеся на века.
Он пронзает взглядом спины морских валов,
проникает глубины, объятые вечной тьмой.
И над бездной разносится его неумолчный зов,
обращённый ко всем, кому уже не вернуться домой.

И тогда из придонного ила поднимаются корабли.
Экипажи, обрстая плотью, распределяются по местам
и ведут свои суда вслед за птицей, парящей вдали,
к не указанным ни в одной лоции берегам.
Флотилия, разрастаясь, втягивается в окоём.
Покачиваются борта - не перечесть названий...
На мостике флагмана Ван дер Страатен высится нагишом
(истлела одежда на летучем голландце за время скитаний).

На «Титанике» оркестр наяривает то контрданс, то фокстрот;
среди танцующих пар снуют стюарды с подносами...
Дымит в четыре трубы «Лузитания»... «Амазонка» плывёт,
разрезая волны форштевнем, вспенивая воду колёсами...
На галеесе «Жирона» налегают на вёсла рабы;
дон Алонсо Мартинес де Лейва видит птицу, слушает птицу;
лучший капитан «Непобедимой армады», баловень злой судьбы
понимает: скоро долгое плаванье завершится.

Скоро, скоро их наконец приведут к берегам
обетованной страны, о которой солёные волны поют
всем заплутавшим и отчаявшимся морякам -
даже тем, кого дома давно не ждут.
Они плывут, растворяясь в ночи; им подать рукой
до счастливых мест, где можно, встав на последний прикол, отдохнуть.
Там птица над всеми, кому суждено обрести покой,
опишет последний круг перед тем, как пуститься в обратный путь;

и вновь, поймав погасший луч заброшенного маяка,
станет листать крыльями время, неотличимое от пространства,
торопясь вернуться в тело умирающего старика,
ибо жизнь и смерть должны иметь хотя бы видимость постоянства.
...А наутро лечащий врач, обходя за палатой палату,
привычно остановится, повздыхает подле его утлой постели,
задумчиво прислушиваясь к дыхательному аппарату,
вглядываясь в светлую ниточку на мониторе, дрожащую еле-еле.

И ему, дивящемуся безжалостно-цепкой природе
человеческого метаболизма, будет, как всегда, невдомёк,
что это не жизнь из одряхлевшего тела уходит,
а морская волна впитывается в вечный песок...

* * *

Наверное, достаточно руки
для каждого не сбывшегося жеста,
как достаёт течению - реки;

наверное, довольно совершенства
в привычной неустроенности нас -
подсолнечных, подлунных, подневольных,
готовых каждый день и каждый час
давать отпор; наверное, довольно
летучих линий брошено в ладонь
на паперти вселенского лекала
(о, скольким принесла судьба огонь,
но ни одной прямой не отыскала!)
Моя ладонь! В тебе довольно льда
для выше обозначенного круга
явлений; но довольно ли (тогда
храни его) тепла? Ведь друг без друга
так призрачны, так беззащитны мы
пред бегом линий; вольно и невольно
на каждого из нас довольно тьмы -
вот только света было бы довольно
пылинкам мироздания, сквозь дни
летающим вопреки любым теченьям.
Ладонь моя! Спаси и сохрани
идущих по твоим пересечениям!
И я, скользя по линиям чужим,
соприкасаясь - радостно и больно,
давно уже от них неотторжим...
И этого, наверное, довольно.

Евгений Каминский (третье место)

г. Санкт-Петербург, Союз писателей Санкт-Петербурга и Союз российских писателей

* * *

Боже мой, я не верю, что Ты вдруг оставил меня!
Что в беспамятстве жизнь моя с неба сорвется, как птица.
Разве мир этот, полный кипенья, круженья, огня,
может вдруг замереть и в бездонную пропасть скатиться?!

Тошно жить и – не жить, так, без смысла, собой дорожа.
Но – не жить?! Вот рука, вот щетина над верхней губою...
Отпусти меня, стражник! Возьми под охрану стрижа,
или ветер возьми, или небо – оно голубое.

Отпусти меня, стражник. Не надо ни есть мне, ни пить.
Я приму хоть сейчас океан мне отпущенной боли!
И забуду себя, и не буду дышать – лишь бы жить,
лишь бы только внимать этой настежь распахнутой воле!

* * *

Открыта к Богу высь. Мне б, белого налива
хрустя снежком, пройтись до Финского залива.
Чтоб в шапке фонаря охапки пчел мохнатых.

И, честно говоря, чтоб жить в семидесятых,
где Витя-эмбрион от счастья рвет тальянку,
где денег миллион в кармане на гулянку.
Где всё еще – с ноля. И все еще – святые...
И свет – из хрустала, и души – золотые.
И право – в ересь впасть и выйти из шинели...
Где мы такую власть над пропастью имели!

Простая пара крыл – не бог весть что... И все же
я тоже с вами плыл средь вечности, о Боже!

* * *

Вот теперь и свершается все, что писал Богослов
для таких вот, как ты, в жизнь упрямо влюбленных ослов,
гордо мнящих себя здесь не глиной, а чем-то иным,
разрывающихся между горним в себе и земным.

Нелегко отцепиться тому, кто приписан уже,
даже если попутчик он иль подпоручик Кижэ.
Это подлое время и город над вольной Невой,
подловив, повязало системой своей корневой.

И в саду с Аполлоном, и возле Ростральных колонн,
даже в зале колонном ты связан, как Лаокоон,
и не больно так душу твою пьет унынья паук,
равнодушно иглой протыкая, как доктор наук.

Молодцу-страсготерпцу мясо подавай, а не сныть,
молодится старуха, ища здесь, кого совратить,
правды знать не желает ни голь записная, ни знать...
И антихрист глядит, не идут ли на царствие звать.

* * *

...И все ближе развязка. Предчувствует бездну душа.
Подловив поколение на сладкий крючок барыша,
зверь уже закрутил свой сюжет от Москвы до Нью-Йорка.
А в партере зевают, фольгой откровенно шурша.
И, устав понимать, помирает от смеха галерка.

В первом акте бы все завершить, где в кожанке начпрод
строит светлое завтра, и ражий квасной патриот
по сравненью с борцом за свободы из третьего — душка.
А в последнем на сцену, как водится, выйдет народ,
чтобы твердь сокрушить. Ох, поплачет над сыном старушка!

Затаиться бы где, затеряться б... но, как ни юли,
и в сермяжной глубинке, спасенье купив за рубли,
не уйти от времен, ни юродствуя, ни лицемеря...
Даже те, что — как дети, смеясь, отпадут от любви,
возлюбивши из бездны на свет выходящего зверя.

* * *

Скрученный, как валторна, смысл не рожденных строк
радостно и просторно сердцу дарил восторг,
предвосхищавший слога первого в слове звук...
Бывшему дудкой Бога, как это — сгинуть вдруг?!
Быть наравне с травой вытоптанном дотла
нынешней татарвою?! Чисто метет метла
новых времен по старым... Выйдешь с берегов Невы,
слово отдавший даром, преодолевая рвы,
горы передвигая, волн прогибая гладь...
В сердце струна тугая стонет: не смей рыдать!
Это еще не точка. (Мало ли что невмочь!)
Будет и в грудь заточка, и за колючкой ночь.
Станешь еще угаром, горечью сей стране,
в ней погибавший даром и не желавший — вне.

* * *

Гегелю с Кантом, весной загремевшим в стройбат,
не занимать к постижению жизни таланта.
Благо сержант, бытие превращающий в ад,
пендалем жизни то Гегеля учит, то Канта.

Только сортир остается им драить, видать,
китель «дедам» обшивать позолоченным кантом...
Плох тот солдат, что упорно не хочет поддаться
в душной каптерке с идущим на дембель сержантом.

Сгинувшим в нетях никак не положено сметь.
Спутавших «вольно» с «равняйся» — их убить даже мало!
Гегелю с Кантом за родину-мать умереть
лишь и вольно здесь да за пахана-генерала...

После отбоя особенно яростно бьют
те, что уже раздавили бутылку «абсолюта».
Но не скули! Только там постижим абсолютом,
где на тебя бытие ополчается люто.

Где через месяц уже ты простой трилобит.
Где от бывшего тебя не осталось ни грамма.
Где над тобой, бритым наголо, нагло стоит
и усмехается жизнь, не имущая срама.

* * *

Что судиться с холмами и сердце держать на полях?
Что давить мухоморы по кислым оврагам под вечер?
Каюсь, воли хотелось, но пусть будет воля твоя,
ель моя, тяжело мне кладущая лапы на плечи.

В этом царстве дремучем, в мучительном щучьем краю,
где не жил я, а ждал, межпланетных глаголов заложник,
укажи мне, держава, где глину умножить твою,
прикажи, где войти, умалясь до земли, в подорожник.

Не совпал, не случился, с эпохой звучал вразнобой...
Не того жаль, что, так и не став, незаметно исчезну
(все мы, все до отказа набьем эту землю собой!),
а что голос мой брошенный канет в бездарную бездну,

что не будет на вечные веки потребности в нем,
и никто не узнает, как брел ты по этой планете —
и невинные травы ложились под ноги живьем,
и рыдали цветы, от любви задыхаясь, как дети.

Александр Кирнос

г. Москва, Союз писателей Москвы

ЖИЗНЬ НАБЕЛО НЕ ПЕРЕПИШЕШЬ

* * *

Под низким и сумрачным небом,
где тучи касаются крыш,
где с былью смыкается небыль,
где бодрствуешь ты или спишь,
неважно, неважно, неважно,
пусть юность давно за спиной,
поскольку кораблик отважно
взмывает над невской волной,
над страхом внезапной удачи,
над белых ночей забытьём,
над тем, как мы тщательно прячем,
любовь под банальным нитьём.

Под бледно-опаловым небом,
где день не сгорая, горит,
осьмушкой блокадного хлеба
кораблик над шпилем парит.
Мелькнёт то кормой, то бушпритом
сквозь сирые ветви берёз,
и небо как будто прошито
тесьмой из мальчишеских грёз.

Под северным призрачным небом,
где сердце с волной говорит,
посланцем полярного Феба
кораблик над шпилем горит.
Здесь небо не может иначе,
сияет, а чуть погода,
застенчиво преданность прячет

под зыбкой завесой дождя.

Давно уж на поезд пора мне,
ведь в юность утрачен билет,
но адмиралтейский кораблик
зовёт сквозь сумятицу лет.

* * *

Жизнь набело не перепишешь,
Но я люблю черновики,
В них подлинность того, чем дышишь,
Лгать, притворяться не с руки.
Весною ранней так бывает:
Пуста, не прибрана земля,
Но тихо к свету прорастают
Трава, кусты и тополя.
И мне б хотелось с каждой строчкой,
С упорством тем же, как трава,
Растить себя, дойдя до точки
В поступках, мыслях и словах.

* * *

Прозрачнее и холоднее ночи,
Дни с каждым днем становятся короче,
И колокол: динь-дон, дилинь-динь-дон,
Все глубже, чище и хрустальней звон.
Уже коснулись сны лесных ресниц,
И листьев пожелтевшие страницы
Листают странницы, читатели - синицы,
И лист прочитанный, кружась, ложится ниц,
И погружая в негу томную до дна,
Сквозь сонмы красочных и призрачных видений
В предошущенье зимних сновидений
Осенний лес накрыла тишина.

* * *

Я родом из поколения, родившегося на рубеже
мира совсем недавнего и грохочущей месяц уже
до сих пор не забытой страшной народной войны,
в которой беда была общей, а все, что касалось вины,
сугубо индивидуальной, той самой, знакомой до дрожи
тем, кто с нее вернулся, перед теми, кто не пришел,
с этим потом разберутся, позже, намного позже,
когда война уже кончится, и будет все хорошо.

В нашем дворе жили, те, к кому не вернулись
с фронта отцы, я помню их обжигающий взгляд,

были мы дети дома, они были дети улиц,
и нас разделяли тени тех, кто не вернулся назад.
Да, беда была общей, но все же была неравной,
уже три четверти века прошло с начала войны,
но до сих пор ясно вижу мальчишечью нашу ораву,
и нас, чьи отцы вернулись, виновных без всякой вины...

* * *

А в этот май сплошной стеной
Валил какой-то снег шальной,
Шел накануне дня Победы...
Смешались праздники и беды,
И вновь пахнуло той войной
Немыслимой, слепой, жестокой,
Где мир, ничтожен и убог,
Был отдан во всевластье рока,
И скрыл лицо завесой Бог...
А на войне, как на войне,
Работай до седьмого пота,
А хочешь жить, паши вдвойне,
Война - тяжелая работа.
Долби, копай, вгрызайся в грунт,
По плечи, согнутую выю,
Когда лавиной танки прут,
Грохочут чудища стальные.
И над бедовой головой,
Едва прикрытой тонкой каской,
Несется свист, жужжанье, вой,
Как в самой страшной детской сказке.
Все только здесь, и лишь сейчас,
Мгновенье каждое, как вечность,
И ночь - дурная бесконечность
В мерцании миллионов глаз.
И звуком порванной струны
Свист мин в ночи над головой.
Ушли солдаты той войны,
В живых остались единицы...
А мне отец все чаще снится,
Он в бескозырке и живой.

Мария Васильева

г. Ярославль

* * *

И день длинней, и снег не свеж.
Опять худеет календарь.
И скоро на сугробах плешь
Проест задумчивый февраль.

На ветках стайка снегирей.
Ложится снег на провода.
И вроде, всё, как у людей.
И в общем, было так всегда.

На кухне закипает чай.
И вроде, не о чем грустить.
Меня ты спросишь невзначай:
"Как эту зиму пережить?"

* * *

Я приглашу отчаяние на чай.
Поставлю чашку, блюдце и печенье.
И будет в тишине трещать свеча,
Отбрасывая тусклое свечение.

Начну неловко долгий разговор,
В руках сжимая фантик от конфеты.
На кухне узкой с окнами во двор
Доверю собеседнику секреты.

Осенний вечер мрачен и дождлив.
Ударят в стёкла ветками берёзы.
А собеседник будет молчалив.
Лишь даст платок, мои увидев слёзы.

* * *

Дожди прошили воздух октября
И растворились в бронзовом закате.
Согреет нас ещё горячий латте
С едва заметным вкусом имбиря.

Осенний день - жар-птицыно крыло,
Смахнувшее с озябших улиц скуку.
В своей руке мою ты греешь руку
И смотришь в неба мутное стекло.

Пылает разноцветьем листва.
Пожаром охватило весь наш город.
Ты кутаешься в тонкой куртки ворот,
Найти пытаешься нужные слова.

* * *

Как драже на матовом паркете,
Ночь просыпала неяркие огни.
Двое нас на голубой планете
В мягких складках белой простыни.

Мы с тобою проросли друг в друга,

Разглядев подсказки между строк.
Вырвал нас из замкнутого круга
Взглядов молчаливый диалог.

Пусть за окнами меняются сюжеты.
Тушит ночь неяркие огни.
Мы уснём на голубой планете
В мягких складках белой простыни.

* * *

Этот город стал целым миром,
Когда ты появился в нём.
Тем продрогшим насквозь октябрём
Небо дождь штриховал пунктиром.
Этот город стал целым миром.

Когда ты появился в нём,
В этом городе хмуром, скучном,
И отчаянно равнодушном,
Стало ярко, как солнечным днём,
Когда ты появился в нём.

Тем продрогшим насквозь октябрём
С ароматом чёрного кофе
Близок мир наш был к катастрофе.
Но мы всё же остались вдвоём
Тем продрогшим насквозь октябрём.

Небо дождь штриховал пунктиром,
Когда стала я частью тебя.
В те холодные дни октября
Мы ютились по тесным квартирам.
Небо дождь штриховал пунктиром.

Этот город стал целым миром.
И сомкнулись в кольцо объятья.
Я сменила джинсы на платье.
Ты был выбран моим ориентиром.
Этот город стал целым миром.

* * *

Сладким кубиком медленно в кофе твоём растворяется вечер.
Утекают минуты, как капли из ржавого крана.
В джунглях улиц тебя я случайно не встречу.
Но узнаю тебя в чёрно-белых героях экрана

В жизнь мою ты внезапной ворвался метелью.
Никотином проник глубоко мне под тонкую кожу.
Хрупкой нитью дождя вышит города призрачный вечер.
Я опять узнаю тебя в спинах случайных прохожих.

Пусть всё кажется сложным и вроде бы несколько странным.
Опускаются мыслей ладони на хрупкие плечи.
Но я верю, что как-нибудь утром туманным
Я тебя среди многих в толпе обязательно встречу.

* * *

Занавешен шторами дождя
Равнодушно молчаливый город.
На пальто своем поправив ворот,
Помнишь, говорил ты, уходя:
"Подожди. Не отпускай меня.
Дай тобою вдоволь надыхаться.
Как же здорово обнять тебя.
И вот так по-долгу расставаться."

Осень нашу тайну берегла,
Пряча за стеною листопада.
И казалось, большего не надо,
И что с нами это навсегда.
Сила притяжения земли
Нас с тобой друг к другу притянула.
В гавань заходили корабли.
И природа к ноябрю уснула.

А потом... Потом пришла зима.
Выпал снег. Вода в реке остыла.
Твое сердце льдинкою застыло.
Ты молчал. Я знала всё сама...
Белые конверты облаков
Проплывают, задевая крыши.
Среди сотни принятых звонков
Твоего уже я не услышу...

Елена Грачёва

г. Тольятти, Союз российских писателей

* * *

одиночество комнаты создаёт совершенный мир.
в нём не сыскать расчётливой беготни.
в одиночестве комнаты ты хотел быть один.
а по факту оказались в ней мы одни.
параллельными взглядами чертим квадрат окна.
параллельным молчаньем стираем дверной проём.
в параллельной реальности я мечтала побыть одна.
а по факту оказалась с тобой вдвоём.
темнога в основе глазного дна
различить не способна контраст картин.

мы вдвоём. но я навсегда одна.
как и ты – безнадежно вовек один.

* * *

от вожделения гулко́го немея,
сбиваясь, путалась в словах.
в крови мешались страсть и страх,
и растворялось в бездне время.
а плен его морфийных глаз
хранил в себе такие тайны,
что если глянешь в них случайно –
то пропадёшь, не ровен час.
истомным соком по губам
густое мартовское небо
шептало, плавилось и пело,
скользило, падая к ногам.
вдыхала жадно тёплый свет
настойной лампы в мраке ночи
и рассыпалась многоточием
в сладчайшем дыме сигарет.
а за окном стонал февраль,
метелью воя в горле марта,
в порыве злости и азарта
вонзая копьё в календарь.
мечтами пах притихший дом,
а в двух сердцах стучало лето.
и мерно таяла планета
в стакане кофе с молоком.

* * *

если тьма порождает сны,
то откуда страх?
притаился пламени блик на дне стены,
отражаясь плывущими снами в пустых глазах,
приумножая яркость на фоне тьмы.
блик всё знает – солнце придёт к утру
в комнату, где со снами сражается страх,
приумножая вечную темноту,
остывая ожогами на губах.
в асфиксии объятий новой весны,
что приходит однажды на тысячу лет,
ты увидишь его. и вонзятся такие сны,
что забудешь и страх, и тьму, и солнечный свет.

* * *

в полурастрескавшемся потолке
сличаю звёзды блеклым взглядом.
и каждый раз, когда ты рядом,
июль пульсирует во мне.

июль пульсирует во мне,
а за окном аж минус 30.
вдвоём. и нам совсем не спится.
мы отражаемся в окне.
мы отражаемся в окне,
уснувший город отражая,
и тень – по форме запятая,
скользит по вздрогнувшей стене.
скользит по вздрогнувшей стене,
крадётся тихо где-то с края,
тревожность сердца умножая,
аккумулируя во мне.
предчувствие дурных времён,
прогорклый шлейф воспоминаний
твоих удушливых свиданий
с бессчётной армией имён.
среди дотлевших женских лиц,
тобой запитых чашкой чая,
своё я будто различаю
в графе занятнейших девиц.
но тень с рассветом пропадёт,
растопчется и испарится,
как с памяти твоей те лица,
которым сбит приборный счёт.
а впрочем, стоит ли о том,
когда июль стремится в вены
и люстры в качестве замены
встал звёздный свод под потолком.

Номинация «**Не спи, моя душа**» журнал «**Юность**», Москва

Мария Васильева (первое место)

г. Ярославль

* * *

И день длинней, и снег не свеж.
Опять худеет календарь.
И скоро на сугробах плешь
Проест задумчивый февраль.

На ветках стайка снегирей.
Ложится снег на провода.
И вроде, всё, как у людей.
И в общем, было так всегда.

На кухне закипает чай.
И вроде, не о чем грустить.
Меня ты спросишь невзначай:
"Как эту зиму пережить?"

* * *

Я приглашу отчаяние на чай.
Поставлю чашку, блюдце и печенье.
И будет в тишине трещать свеча,
Отбрасывая тусклое свечение.

Начну неловко долгий разговор,
В руках сжимая фантик от конфеты.
На кухне узкой с окнами во двор
Доверю собеседнику секреты.

Осенний вечер мрачен и дождлив.
Ударят в стёкла ветками берёзы.
А собеседник будет молчалив.
Лишь даст платок, мои увидев слёзы.

* * *

Дожди прошили воздух октября
И растворились в бронзовом закате.
Согреет нас ещё горячий латте
С едва заметным вкусом имбиря.

Осенний день - жар-птицыно крыло,
Смахнувшее с озябших улиц скуку.
В своей руке мою ты греешь руку
И смотришь в неба мутное стекло.

Плывает разноцветьем листва.
Пожаром охватило весь наш город.
Ты кутаешься в тонкой куртки ворот,
Найти пытаешься нужные слова.

* * *

Как драже на матовом паркете,
Ночь просыпала неяркие огни.
Двое нас на голубой планете
В мягких складках белой простыни.

Мы с тобою проросли друг в друга,
Разглядев подсказки между строк.
Вырвал нас из замкнутого круга
Взглядов молчаливый диалог.

Пусть за окнами меняются сюжеты.
Тушит ночь неяркие огни.
Мы уснём на голубой планете
В мягких складках белой простыни.

* * *

Этот город стал целым миром,
Когда ты появился в нём.
Тем продрогшим насквозь октябрём
Небо дождь штриховал пунктиром.
Этот город стал целым миром.

Когда ты появился в нём,
В этом городе хмуром, скучном,
И отчаянно равнодушном,
Стало ярко, как солнечным днём,
Когда ты появился в нём.

Тем продрогшим насквозь октябрём
С ароматом чёрного кофе
Близок мир наш был к катастрофе.
Но мы всё же остались вдвоём
Тем продрогшим насквозь октябрём.

Небо дождь штриховал пунктиром,
Когда стала я частью тебя.
В те холодные дни октября
Мы ютились по тесным квартирам.
Небо дождь штриховал пунктиром.

Этот город стал целым миром.
И сомкнулись в кольцо объятья.
Я сменила джинсы на платье.
Ты был выбран моим ориентиром.
Этот город стал целым миром.

* * *

Сладким кубиком медленно в кофе твоём растворяется вечер.
Утекают минуты, как капли из ржавого крана.
В джунглях улиц тебя я случайно не встречу.
Но узнаю тебя в чёрно-белых героях экрана

В жизнь мою ты внезапной ворвался метелью.
Никотином проник глубоко мне под тонкую кожу.
Хрупкой нитью дождя вышит города призрачный вечер.
Я опять узнаю тебя в спинах случайных прохожих.

Пусть всё кажется сложным и вроде бы несколько странным.
Опускаются мыслей ладони на хрупкие плечи.
Но я верю, что как-нибудь утром туманным
Я тебя среди многих в толпе обязательно встречу.

* * *

Занавешен шторами дождя
Равнодушно молчаливый город.
На пальто своем поправив ворот,
Помнишь, говорил ты, уходя:
"Подожди. Не отпускай меня.
Дай тобою вдоволь надыхаться.
Как же здорово обнять тебя.
И вот так по-долгу расставаться."

Осень нашу тайну берегла,
Пряча за стеною листопада.
И казалось, большего не надо,
И что с нами это навсегда.
Сила притяжения земли
Нас с тобой друг к другу притянула.
В гавань заходили корабли.
И природа к ноябрю уснула.

А потом... Потом пришла зима.
Выпал снег. Вода в реке остыла.
Твое сердце льдинкою застыло.
Ты молчал. Я знала всё сама...
Белые конверты облаков
Проплывают, задевая крыши.
Среди сотни принятых звонков
Твоего уже я не услышу...

Юлия Захарова (второе место)
г. Ярославль

НОСТАЛЬГИЯ ПО МОСКОВСКОМУ МЕТРО

Я вдыхала его всеми порами
В смеси сырости и земли.
За большими стальными заборами
Поезда по тоннелям шли.

Я вращалась в него каждой клеткою,
Каждым вздохом жизни земной,
Так склоняется над таблеткою
Безнадежный, смертельнобольной.

На холодных и грязных скамеечках
Притулились, как прежде, бомжи.
Снова стала молоденькой девочкой,
Только бровь так некстати дрожит.

Мне открыло билетиком в прошлое
Ледяное и злое нутро

Как родное, такое хорошее,
Позабытое будто, метро!

УТРО

Утро, земля в снегу,
Лист за окном дрожит.
Больше я не могу
Молча на свете жить.

Утро, в снегу земля,
Клонит меня ко сну.
Может спасаюсь зря,
Может не зря тону.

Падают не спроста
Кролики из-под шляп,
Вечером изо рта
Я вынимаю кляп.

Утром ветра траву
Прячут под белый снег,
Я на земле живу
Как-то не так, как все.

ВОКЗАЛ

Развевалось платье на ветру,
Целовал меня ты, уезжая.
Думала, что без тебя умру,
Но вот видишь, здесь стою живая.

Паровоз, полупустой вокзал,
Серый дым на небеса тянулся.
Что вернёшься, мне тогда сказал,
Только вот не смог ты, не вернулся.

Наблюдаешь может свысока,
Как светло, тепло, уютно дома,
Как сжимает женская рука
Цепь от золотого медальона.

ДЯДЯ

Он улыбался мальчугану,
Игрушки с пола брал, не глядя,
Немного озорной и странный
Усатый бородатый дядя.

А я стояла у порога,
Пока игра неспешно длилась,
За всё благодарила Бога,

Без слов, но искренне, молилась.

К окну прошла почти неслышной
Походкой резкой, торопливой,
Была в квартире третьей лишней,
Но до безумия счастливой.

ЧЁРНОЕ ПАЛЬТО

Одену чёрное пальто
И растворюсь внутри,
Дробят аллею в решето
Ночные фонари.

Уйду от посторонних глаз
В пустые миражи,
Возможно в эту ночь погас
Фонарь моей души.

Неловко мне при свете дня,
Как будто всё не то.
Готов ли ты вернуть меня
Под чёрное пальто?

СЧАСТЬЕ

Небо тучей накрыло. Застенчивый дождь
Не решается, медлит начаться.
Если спросишь меня: «Для чего ты живёшь?»,
Я отвечу: «Живу я для счастья»

Начал капли воды дождь отчаянно лить –
Это праздник стихии вершится.
Только вот перестать бы застенчиво жить,
Но на это не просто решиться.

ТОЛГСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Чайки резвятся, играя,
Чуть замедляет свой ход,
Будто плывущий из рая
Белый большой теплоход.

Нас провожает спокойный
Сквозь расслабляющий сон
Тихий родной колокольный
Чуть замирающий звон.

Будто для сердца микстура,
Снова меня исцеля,
В небе белела фигура
Белого монастыря.

ПРИЕЗД В ТОЛГУ

Благодать и тишина...
Развернулся ввысь и вширь,
Как тумана пелена
Белый Толгский монастырь.

Даже Волга на поклон
Гонит волны нам к ногам,
Тихий колокольный звон
Льет покой по берегам.

С облаков срывает спесь
Ветер, к храму их гоня.
Я хочу остаться здесь,
Но сынишка ждёт меня.

Полина Ивлева (третье место)

г. Тюмень

ДУША

Куда душа девается потом?
Где прячется? И под каким зонтом?
И почему не выскользнет на волю?
Где отбывает за провинность срок?
И теплится как в печке уголек?
И сколько на неё свалилось боли?
Её порыв был как источник чист,
И в толстом томе этот белый лист
Так ждал, чтоб не испачкав, исписали.
По правде, по решенью, по судьбе.
Ей не хватало в этой пустоте,
Чтобы друг друга люди уважали.
Но кто-то, не умеющий писать,
Измял так грубо душу, как тетрадь,
Не пожалел и выкинул наружу.
Она лежит нагая у крыльца,
И, не имея кожи и лица,
Тихонько ждёт того, кто очень нужен...

ЧУДО

Не верится, но я же видел чудо:
Оно сидело, теребя рукав,
Мы пили с чудом жизнь, как чай из блюда,
Мы ели жизнь, как хлебец разломав.
Мы танцевали с чудом под гитару,
Мы рисовали пальцами узор.
Я чуду жизнь отдал почти задаром.

Лукаво чудо потупило взор...
Я напугал настойчивостью чудо,
И, завязав мечты свои в платок,
Оно ушло. Но блеском изумруда
Осталось прямо здесь, у этих строк.
И в эту сказку сам едва ли верю,
Все думаю: заслуга в чем моя?
Но часто оставляю настежь двери,
вдруг вновь придёт и скажет "это я".

ВОСК

Я в горячих руках – воск.
Обнимая, твори изгиб.
Слезут вся шелуха и лоск,
Словно пыль, с взятых с полки книг.
Не жалея меня, я ищу
Только жизни в коротких днях,
Но, конечно же, не хочу
Раствориться, тебя обняв.
Твои руки мне шепчут «будь»
И творят из меня тепло.
Если вместе продолжим путь
Будем счастливы, всем назло.
Только жечь меня не спеши,
Расточая поблекший свет,
Помолчи со мной, подыши,
Расскажи, что счастливей нет,
Полепи меня «вопреки»,
Полепи меня в эту ночь,
Полюби меня, полюби.
Ты один можешь мне помочь.

ПТИЦА

На моей невысокой крыше
Живет птица по кличке Выше.
Ее перья слегка атласны,
Ей мечты все мои подвластны.
Я кормлю птицу Выше волей,
Добавляя немного соли,
Как наестся – летит шальная,
Словно ищет ворота рая.
Я пою птицу Выше верой,
Она пьет и не знает меры,
Трель же птицы всегда чудесна,
Моей крыше давно известна.

Крыша знает, что жизнь без птицы,
Полноценная не случится.
Заполняет пространство крыши
Птицы с кличкой призывной Выше.

* * *

Черной ручкой писать по белому,
Выводить из последних сил...
Я все сделаю, я все сделаю,
Что бы ты там не попросил.

Холодает ночами. Простыни
Меня кутают, будто в снег.
Если б было все в жизни просто так,
Я б с тобой проживала век.

Иногда по судьбе назначенный
Просто сбился с пути в метель.
Я твоей теплотой охвачена
Стерегу до утра постель.

Чертовщинки-слова выводятся,
Выливаются на листы.
Если люди и вправду сводятся –
Бог построит для нас мосты.

Елена Кирсанова

г. Санкт-Петербург

* * *

Вирус запер людей в виртуальном мире,
Под предлогом периода пандемии,
Беспредметна пейзажная летаргия
В городке с голосами рыб.

Выхожу из метро на пустынный Невский –
Стылый ветер, но воздух такой апрельский,
Что деревья редкие – деревенский
Демонстрируют архетип:

Черных веток своих растрепав волосья
И отбросив трости, и стыд отбросив
Зазывают в гнезда, и просто в гости
Под откосы дворцовых скал.

А вороны белые, голубицы
Удивленно смотрят на полу-лица:
Это улица, циркус, или больница?
Маски-шоу? Грошовый бал?

Вот курьеры меряют километры,
Городскую вызубрив геометрию –
Племя новых сталкеров, но монетных –

Что поделать – примета дней.

Время крестиком метит сердца и нравы,
Держит шаткое небо жираф поджарый–
Петропавловский шпиль велико-державный,
Да под Ангелом – мавзолей.

Да врачи, что белее своих халатов,
Что летят в ночи, латы их - крылаты,
Да заводы, фабрики, комбинаты –
В карантинных веригах, но...

Тротуар. Остановка. Скамья. Коляска.
Звезды глаз над тугим горизонтом маски...
Словно сплю, и мне страшная снится сказка
Из арт-хаусного кино.

АНАПЕСТ

Мне бы пестовать этот анапест,
Воспевая асфальтовый снег
На проспектах, уложенных накрест,
По которым брожу в полусне,

В полуяви, по сумрачным, блёклым,
Динозавровым зимним стезям,
А в глазах обесцвеченных окон
Ледниковые блики скользят...

Крепкий наст прибывая ступнями,
Бормоча за строкою строку,
Всё брожу, и живыми камнями,
Как лавиною по леднику

На меня надвигаются люди
Неуклонной своей прямизной.
На своем безусловном маршруте
Я, по сути – счастливый изгой :

Глядя в пепельно-бледные лица
Близоруких, друг к другу глухих,
Я о них начинаю молиться,
И молитва рождает стихи.

* * *

«И даны были каждому из них одежды белые...»
(Откр. 6 :11)

Уйти в свои снега, в свою безмолвность,
В бездонность мысли, в безнервозность дум.
Не в меланхолий тягостную томность,
А в белый, идеально-белый шум,

В котором звук печалится не плача,
В котором чей-то голос неземной
Меня качает трепетно, и нянчит
Под белой-белой ласковой звездой.

В котором, словно в облаке волшебном
Лечу надмирным призраком любви.
В котором свет и легкость совершенства
Мне дарит изнутри мой визави.

В котором безмятежность так безбрежна,
Что каждая душа передо мной -
Такой же свет; и белые одежды
Сияют на Земле, и над Землей.

ЗЕМЛЯ

Вся плоть уходит в эту твердь -
Шарообразную могилу,
В которой тлен питает силу
В жизнь превращающую смерть

В нее спрессованы тела,
И все, что было рукотворным
Вмуровано, пустило корни,
Корой застыло, и смола,

И нефтяная чернокровь,
И соль её, и жирность сока -
Имеет смерть своим истоком,
Но служит жизни вновь и вновь

Она и дерево, и плод;
Вертеп, насаженный на вертел,
В ней, круглом саркофаге смерти,
Исхода код - наоборот

Прописан клинописью звёзд,
Упавших в свет ее холодный,
В её полетно несвободный,
Всё воскрешающий, погост.

Марина Новиковская

г. Михайловск Ставропольского края, Союз российских писателей

ОЩУЩЕНИЕ

Еда не имеет вкуса,
Снам не хватает смысла.
Можно сказать – грустно

Плетью душа повисла.
Можно сказать будни
Стали еще серее.
Улицами безлюдье
Чувствуется острее.
Тайну теряет слово
Голос – на тон тише.
Города средь пустого
Я становлюсь лишней.

НЕ БОЙСЯ

Этой девочке миллиарды лет
Не бойся сдать ей, путник.
В ее памяти первый земной рассвет,
И марсианское утро.

В ее прошлом горят города,
Стираются в пыль планеты.
Она существовала когда,
Еще ветром был ты....

Не бойся любить ее, старик.
Она знает все твои мысли.
И будет плакать, когда твой черед
Наступит уйти из жизни.

Не бойся смотреть в ее глаза.
Она любит тебя просто, нежно.
Для нее ты только слеза
В океане мертвой надежды.

И по прежнему в прошлом горят города,
Поглощает их в бездну огонь и вода.

ДОМ ОСТАНОВИВШИХСЯ ЧАСОВ

Здесь сотни мыслей растворились в стенах,
Здесь тишина, понятная без слов.
Здесь жил кусочек маленькой вселенной,
Здесь дом остановившихся часов.

Кровать, трюмо, две тумбочки, гитара,
Хромой без ножки деревянный стул.
И смотрит человек седой устало
С картины перечеркнутой крестом.

Здесь тысячи желаний не сбывались,
Здесь вдохновенья не умолкший зов.
Сюда зайдя, мгновения остались,
Здесь дом остановившихся часов.

СЛОМАННАЯ КУКЛА

Свет фонаря в холодное окно.
Меня сломали. Старую игрушку.
Но выбросить забыли все равно,
На чердаке в пыли всегда темно,
И в мусоре теперь лежу послушно.
Скребутся мыши справа и в углу.
Скрипят леса над головой из ваты.
Я мыслю. Я жива. Но не могу
Уйти из куклы в платьице помятом.
Мне не узнать какой приходит год.
И тот ли век, в котором я родилась.
Я стану мертвой, если дом умрет,
Ненужная где столько лет пылилась.
На чердаке, мурлыча, дремлет кот.
Случайный гость хозяйского покоя.
Затихнут мыши. Старый кот уйдет,
Как будто в измерение другое.
Опять останусь рваная одна.
И буду ждать. Чего? Никто не знает.
Промчатся лето, осень и зима,
Опять наступит мокрая весна.
Игрушки слишком долго умирают.

ДИАЛОГ С ПАМЯТЬЮ

Я в диалоге с памятью опять
Пытаюсь воскресить слова и жесты,
Тех, для кого могла бы время вспять
Поворотить. Но нет им ныне места
В реальности, где гаснут миражи,
Рожденные больным воображением,
В реальности, где кто-то прожил жизнь,
С надеждой на слепые совпадения.
И этот кто-то после, скинув плоть,
Стоит на между мирной остановке,
Пытаясь шаткой мыслью расколоть
Растоптанные памятью осколки
Прижизненных иллюзий. Но, увы,
Растаптывать он будет снова, снова
Когда в другую окунется жизнь
Пустые миражи того Другого.

ПРАВЕДНИК

Он идет огоньком во мраке,
Не боится он черной тени.
Гложут ноги его собаки –
Обезумевшие сомненья.

Он не знает, что будет дальше.

Только принципы тверже камня.
Он не терпит ни лжи, ни фальши,
Его люди считают странным.

Не продаст он за злато совесть.
Не уступит красивым сказкам.
Его тайным считают слово,
Он не носит дурацких масок.

Светлый странник в тиши эпохи,
Где в зверей превратились люди,
Он отчаянно одинокий
Посреди палачей и судей.

Не найти ему здесь приюта.
И до смерти чуть-чуть осталось.
Превращается в солнце путник,
Чтобы миру не замерзало.